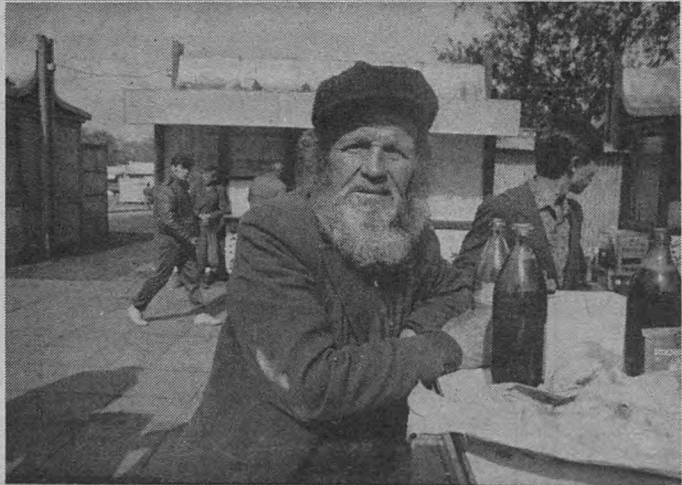

«Я ВРУ 10 РАЗ В ДЕНЬ...»

«А может быть, мы для того и существуем, чтобы весь мир смотрел на нас и пальцем показывал: «Видите, дети, так жить нельзя».

Последнюю фразу из репризы Михаила Жванецкого Станислав Говорухин вынес в название своего нового фильма «Так жить нельзя». Сегодня Станислав Говорухин — наш собеседник.

— Все-таки фильм не совсем об этом. Ему больше подошло бы другое название. Помните, как называется главная, центральная часть фильма? «Преступники у власти. Опыт исследования преступности».

— О фильме уже очень много говорят, и все же, когда я его смотрела, не покидало ощущение, что вы пытаетесь объять необъятное: и наша милиция, и американская полиция, и события в Баку, Фергане, и тема партийного руководства. Какую же все-таки задачу вы ставили перед собой?

— По жанру это письмо в Верховный Совет. Картина предназначена для съезда, для депутатов, для ЦК, для правительства. Я считал: со своим умением говорить ясно, понятно, логично я смогу кое-кого убедить, что ситуация в стране требует мер без-

отлагательных, и пытался показать, какие скрытые резервы у нас есть, чтобы изменить эту ситуацию. Потому и язык фильма специфичен, и каждую важную мысль я старался повторить дважды.

— Те, для кого в основном предназначался ваш фильм, уже успели его как-то оценить?

— Идеологический отдел ЦК КПСС посмотрел и отметил: картина, безусловно, антиленинская, антипартийная, антиоктябрьская.

— Но вы, по-моему, этого и не скрываете. Взять хотя бы тот же эпизод, когда вы за кадром читаете текст: «Кто же организатор всех этих преступлений?», а в кадре в этот момент огромный плакат: «Партия — вдохновитель и организатор наших побед».

— Мне вообще не важно, как будет называться общество, в котором нам дальше жить. Хоть горшком. Важно, чтобы в нем можно было жить. Это же вообще нелепость — строить социализм или капитализм. Во всем мире никто не строит ни капитализма, ни империализма. Живут так, как подсказывает здравый смысл, как удобно гражданам. И только мы «претворяем» и «осуществляем».

— Вы говорите — «не важно». Но, с другой стороны, призываете к суду над коммунистами, предрекая в скором будущем очередной Нюрнбергский процесс.

— Нет, вовсе не призываю. Хотя в первом варианте картины на самом деле я комментировал: «Грядет новый Нюрнбергский процесс». А потом подумал: а почему, собственно, он грядет и зачем он нужен? Поэтому сегодня тот же текст звучит иначе: «Состоится ли новый Нюрнбергский процесс?» «Мы не должны вступать на путь слепой мести», — говорил академик Сахаров. Важно другое. Нравственный суд над партией уже идет.

— Вы член партии?

— Нет.

— Мне кажется, что вы склонны к экстремизму: жестче надо, круче, крепче...

— Я никогда не был экстремистом. Все гораздо сложнее. Тут одним словом не скажешь. С одной стороны, да, сила вредна. А с другой — если не будет сильной власти, мы погибнем от хаоса, от уголовного террора.

— И где же «ваш» выход из этого парадокса?

— Я не решаюсь предложить выход. Кто я такой?

— Но вы как-то сказали, что будь у вас время и задайся вы целью, то могли бы предложить его.

— Я вру 10 раз в день.

— А сейчас?

— И сейчас вру. Если бы я был Президентом Советского Союза, то, конечно, не справился с этой должностью. Я бы, наверное, ничего не сделал. А вот если бы меня назначили диктатором и не надо было тратить время на объяснения с 1000 непонятливых, то, может, я бы дал народу хоть чуть-чуть вздохнуть.

— И начали с быта?

— Конечно. Человек всю жизнь стро-

Станислав Говорухин:

ил какие-то каналы, воевал, подтягивал живот и в конце концов убедился, что его ничего, абсолютно ничего впереди не ждет. Не имеет права на существование государство, все люди которого твердо знают: завтра лучше не будет. И молодежь не может нормальная вырасти. Руководство сейчас должно делать все...

— Но оно и пытается, рынок вводит.

— Хорошо, но этого очень мало. Нужны сильные инъекции. Взять кредит, закупить всего на Западе, продать народу товар, а деньги сжечь, погасить инфляцию, дать народу почувствовать, что жизнь меняется к лучшему. Мысль, правда, не моя. Она принадлежит Шмелеву.

— Будь все так просто, наверное, и другие соцстраны по такому пути пошли бы, да и мы за ними.

— Во-первых, нет таких богатых стран, как наша. У нас столько внутренних резервов! Миллион. Возьми ВДНХ... На кой... она, извиняюсь? Кстати, как ты думаешь, советское кино на Западе покупают?

— Да говорят, не очень хватают. — Не то слово. А вот ты поедешь в Париж, повернешь за Триумфальную арку, там советское представительство «Совэкспортфильма». Шикарный, дорогой особняк. А таких представительств у нас 100, даже чуть

больше. Почему я заговорил об этом? Конечно же не это главный резерв. Но я хочу сказать: они всюду, куда ни ткни пальцем. А помощь Кубе, Анголе? А пятимиллионная армия, которая проигрывает войну любому противнику?

— Одна моя сверстница после просмотра вашего фильма сказала, что он вызвал у нее лишь одно желание — уехать отсюда.

— Я немного знаю вашего брата. Уверен, что это желание было у нее и до картины. Для милых, симпатичных девушек это не удивительно. Мне депутаты задавали вопрос: не боюсь ли я, что картина станет спичкой, от которой разгорится пожар? Я подумал: первая мировая война началась с того, что в Сараеве убили эрцгерцога. Но ведь если бы его не убили, она все равно бы началась, так что ничего моя картина не изменит, если есть опасная ситуация.

— По-вашему, у нас она уже есть?

— Думаю, еще нет. Единственное, чего я боюсь... Сегодня главное — не упустить молодежь. Ведь половина из них уходит в преступность, в фарцовку, значит, это люди, потерянные для общества. От голода мы не умрем, не 33-й год, границы открыты. А от общего разгула преступности захлебнуться можем. Свидетельства тому — и Душанбе, и Фергана, и Баку. Это и есть уголовный террор.

— Мне кажется, правительство предприняло немало шагов в борьбе с преступностью. Вышло специальное постановление, на помощь МВД пришел КГБ.

— Никакие полумеры сейчас в этой борьбе не помогут. Обратите внимание: Михаил Сергеевич отдает народу все, что тот просит. Но отдает с боем, уже тогда, когда народ все сам взял. И это очень обидно. Мы всегда имели правительство, о котором сочиняли анекдоты. И вот появился человек, о котором нет никаких анекдотов. Потом, правда, появились — добрые. А сегодня его называют «старшина шестой статьи». Люди, служившие на флоте, оценят юмор. Ну как можно было не видеть бессмысленность борьбы за шестую статью?

— Вы самостоятельно провели исследование, и впервые в вашем

вались «мафиозными» методами, никого никуда не толкали, не проби-

вали?

— Я мог бы вполне, но не поль-

зовался.

— Но ведь снимали жену вашего друга Соловьева в своих фильмах?

— Таня Друбич — врач. И страшно не любит сниматься в кино. Ее так сложно всегда уговорить. Но сама она — точно «мафиози». Как только Сергей ищет актера, она тут же ему говорит: «Пригласи Говорухина». Она уговорила Сережу и в «АССЕ» меня снять.

— Тайная симпатия?

— Да нет.

— Но уж сыну-то вы наверняка помогли? Да вы и сами говорили, что он талантлив.

— Мой сын сейчас — рабочий.

— Похоже, знаменитому отцу приятно говорить, что его сын простой рабочий.

— Нет, на самом деле. Он ушел из университета, куда его мать заставила поступить на журналистику, а через полгода подался в строители. Правда, иногда я чувствую, что ему очень хочется, чтобы я его рассказы отнес в «Огонек». Но я не делал этого и думаю, что это неправильно.

— Надеюсь, вы объективно оцениваете его творчество?

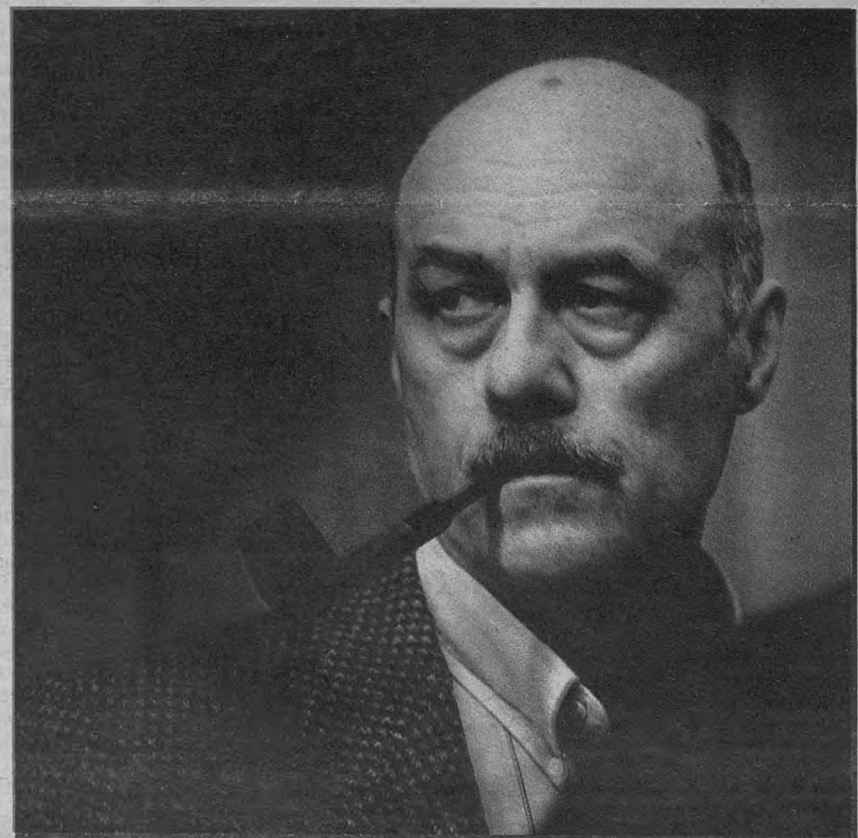
— Он очень способный, в девятом классе с Нагибиным даже переписывался. Он, знаешь, в стиле тургеневской прозы пишет. Типа: «Я возвращался с охоты и шел по аллее сада».

— А ему не приходила в голову мысль уехать из Советского Союза?

— Два месяца назад ему пришла идея поехать с группой писателей в Италию. Всех пустили, а его нет. Пришел к поезду, а ему: ты не едешь. Что? Почему? До сих пор неизвестно.

— Может, это с вашим фильмом связано?

— Всякое может быть. Но я в это не верю, а мать Сережина считает — связано. Может, я наивный, но я не верю, например, что Лигачев берет взятки или Горбачев. Не верю гдьянам. По-моему, там гораздо крупнее идет игра, о которой нам неизвестно.

фильме появился социальный портрет преступника. Неожиданно выяснилось, что 47 процентов преступлений совершают рабочие. Вас не смущает такое обвинение?

— Но это же статистика! Понимаете, какая штука — это и министра МВД оскорбило в фильме больше всего. Но через некоторое время в «Правде» за 17 апреля появилось интервью с Бака-тиным, где он дает социальный портрет преступника и уже не скрывает, что половина преступлений совершается рабочими. Не мог же он, в конце концов, публично признаться, что скрывал этот факт от народа. Вот и появилась эта статья до выхода фильма. Теперь они вправе мне сказать: а какую вы открыли Америку? Всю жизнь рабочий был в избранном положении. Он первым вступал в партию, его дети первыми учились в университетах. А преступники у власти? Большинство из рабочих. Это положение избранности породило ощущение безнаказанности. Но, с другой стороны, над рабочим классом еще и измывались 70 лет, вручая ему ордена вместо зарплаты, грамоты вместо детсадов. Это и самый обману-тый класс, кроме всего.

— Если каждый из нас будет грешить по мелочи, нам никогда от большого греха не избавиться. Вы-то сами неужели никогда не пользо-

— Кого вы чаще встречаете — оппонентов или единомышленников?

— Чаще оппонентов. И объясняю это только тем, что я глубже знаю нашу систему, потому что много лет занимаюсь этим вопросом, изучаю преступность. Сколько раз замечал: скажешь что-нибудь с трибуны — как в пустоту. А спустя некоторое время та же мысль вызывает бурные овации. Знание информации, не всем доступной, помогает мне чуть-чуть опережать общественное мнение.

— Если вы так хотите, чтобы фильм дошел до зрителя, не проце- ли его показать по телевизору? Или вы рассчитываете на коммерческий успех?

— Как ни странно, но сегодня достучаться до зрителя можно, только когда он специально пришел на твой фильм. Любая, даже самая острая, картина по телевизору пройдет незамеченной. Я много думаю о конъюнктуре: что будет зрителю сейчас интересно, что — через год? Если честно, на коммерцию я тоже рассчитывал, но вот на единодушное понимание — нет. Ждал споров, резкой неприязни. Все-таки это счастье, когда тебя пони-мают.

Беседовала
Лариса Вышинская.